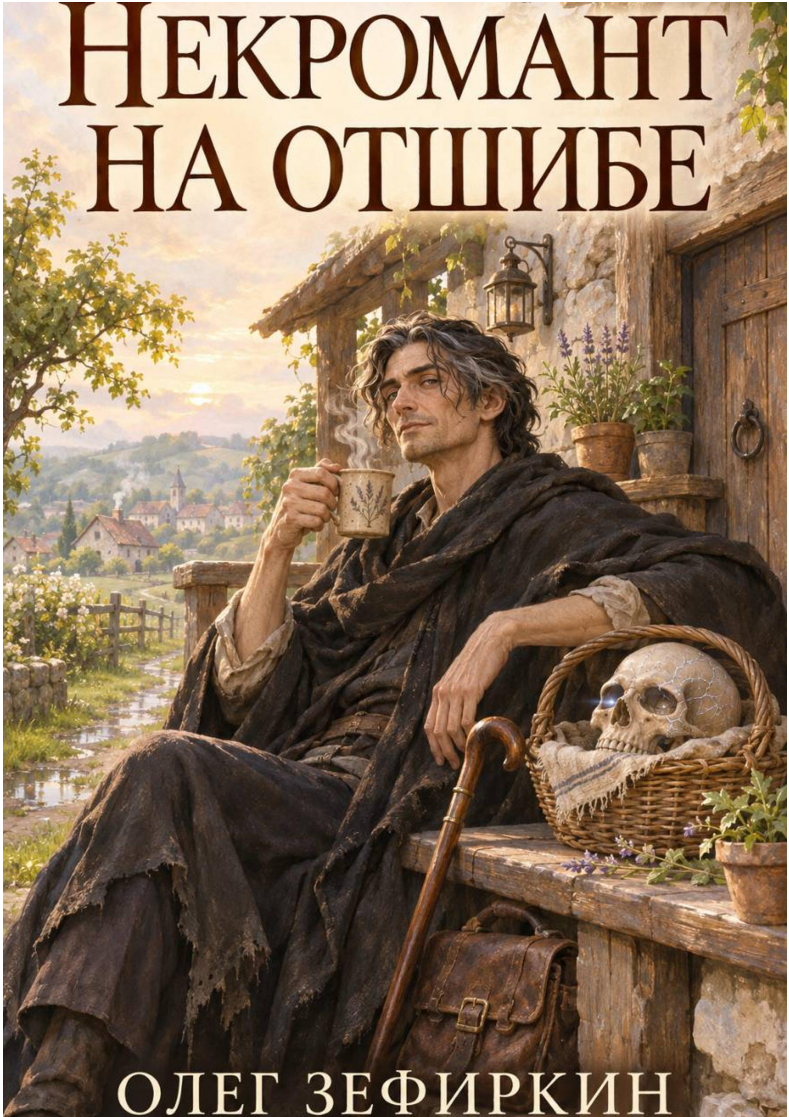
Некромант на отшибе

Олег Зефиркин

Олег Зефиркин
Некромант на отшибе

https://litres.ru/74755983
SelfPub; 2026

Аннотация

Альтрос Морн живёт на отшибе, пьёт чай и помогает мёртвым уходить. На кухонной полке у него стоит череп древнего лича, который отлично помнит правила приличия и почти ничего — о собственном прошлом.

Однажды покойники на деревенском кладбище меняются могилами. Потом начинают исчезать души, старые заклятия дают сбой, а смерть перестаёт выполнять свою работу.

Разбирая одно дело за другим, Альтрос находит следы чужого вмешательства. Вместе с ведьмой Лиорой и своим забывчивым спутником ему предстоит выяснить, кто взялся исправлять порядок смерти — и почему тем, кого пытаются спасти, всё чаще нужна помощь некроманта.

Содержание

ПРОЛОГ 4
АКТ I 17
ГЛАВА 1 18
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Олег Зефиркин
Некромант на отшибе

ПРОЛОГ

Болото

Семьдесят лет назад

Болото начиналось сразу за старой дорогой, хотя от дороги осталось одно название. Неясными следами змеились две колеи, остатки былой дорожной роскоши, затянутые темной затхлой водой, да попадались иногда печальные остовы каменных дорожных плит, поросших мхом. Земля спокойно перемалывала остатки человеческой работы, медленно поглощая былую роскошь сантиметр за сантиметром.

Некромант остановился на последнем сухом камне перед болотом и посмотрел перед собой. Вокруг царила привычная тишина: не кричали птицы, не стрекотали насекомые, даже лягушки не подавали голоса. Но, если подумать, привычной тишина была для некроманта, для природы скорее уж противоестественной, будто бы кто-то приказал всем помолчать.

Некромант достал из кармана три старые медные монеты и в задумчивости перекатил их между пальцами. Обстановка выглядела обнадеживающе.

Наконец он сделал шаг в хлипкую болотную вязь, сапог тут же ушел вниз почти по щиколотку. Прежде чем шагнуть дальше, некромант проверил следующую кочку ореховой тростью и, не почувствовав опасной глубины, двинулся дальше, тщательно проверяя каждый шаг, болото спешки не прощало.

Поношенный практичный черный плащ защищал от прохлады, тянущейся откуда-то из глубины болота. А на плече висела крепкая кожаная сумка; при каждом его движении внутри негромко звякали стекло и металл.

Три дня назад молодой маг из провинциальной Академии отправился искать древнее захоронение, два дня назад его спутники вернулись без него. Вчера ректор прислал письмо, написанное настолько вежливо, что просьба забрать останки выглядела безусловным приказом. Некромант не любил Академию и повелительный тон. Академия, насколько ему было известно, отвечала взаимностью.

Но мёртвых следовало возвращать домой, даже если живые сначала отправляли их в болото ради диссертации. Потому он, не испытывая особой радости, шел за телом.

Через сотню шагов колея от дороги окончательно исчезла. Некромант высыпал на ладонь щепоть серого порошка. Порошок слипся в тонкую стрелку и повернулся вправо. Мужчина внимательно вгляделся вдаль между кривых берез, а затем свернул между ними.

Деревья здесь росли кольцами. Корни выходили из воды

и снова уходили в неё, будто пытались удержать что-то под поверхностью. На одном из стволов висел обрывок академической мантии. На другом узнаваемая медная застёжка со знаком третьего курса Академии.

А тело обнаружилось тут же, рядом, в неглубокой впадине, окружённой водой со всех сторон. Сама земля внутри все еще действующего защитного круга, призванного защищать студента, оставалась сухой.

Молодой маг был совсем юн. Лицо сохранило спокойное, даже несколько удивлённое выражение. Левая рука всё ещё сжимала обломок мела, которым, очевидно, и был начерчен защитный круг, который не очень-то и удачно выполнил свою единственную функцию.

Некромант внимательно изучал защиту, хотелось понять, что пошло не так. Мох внутри него не намок, меловые линии не расплылись. Даже сапоги юноши были почти чистыми, словно болото много часов обходило это место стороной.

Некромант присел рядом с белой границей, рассматривая уже тело в поисках ответов. На медном жетоне у воротника было выбито: «Элвер Дейн». Ниже — возраст, двадцать два года, и знак третьего курса, повторяющий недавнюю находку на одном из деревьев.

Он осторожно разжал мёртвые, крепко сжатые пальцы и вынул мел. Потом аккуратно закрыл юноше глаза.

— Ну и зачем ты сюда полез?

Мёртвый ожидаемо промолчал.

Некромант осмотрел тело внимательнее, откинув полы мантии, мешавшие обзору. Кости были целы, ни укусов, ни ожогов, ни следов яда. Под ногтями белел известковый налёт, на сапогах лежала сероватая библиотечная пыль, которой здесь взяться было неоткуда.

Он положил ладонь на грудь юноши и произнёс короткую несложную формулу. Бледная перламутровая нить должна была протянуться от тела и показать, куда ушла душа, но замкнулась вокруг пальцев некроманта и погасла.

Не осталось ни следа последнего испуга, ни отголоска боли, ни обычной тени отделившейся души. Похоже, сердце остановилось раньше, чем Элвер успел закончить круг, пусть и выглядело все совсем по-другому, а защита казалась готовой. Иной причины такой странной смерти некромант не видел.

Мужчина бросил взгляд за тело, что-то на границе видимости привлекло его внимание. А за телом, почти скрытая под мхом и корнями, лежала каменная плита. По краю тянулись еле заметные стёртые руны. В середине же зияла трещина, выглядевшая достаточно новой для этой древней каменюки. Если присмотреться, то можно заметить, что часть рун тоже была изменена достаточно недавно, на некоторых из них не так ровно было накарябано дополнительных хвостов-значений.

Некромант подошёл к плите и провёл над ней ладонью. Проверочная формула прошла по камню, и руны под мхом

на мгновение проступили тёмным серебром. Защитные знаки были обращены внутрь, но сходились не на останках под плитой. Все линии стягивались в одну точку у задней стены плиты, примерно на ладонь выше импровизированного каменного пола. Там ничего не было.

Он нахмурился, поджал губы задумчиво. Линии были аккуратными, символы почти правильными. Вода остановилась у самой меловой черты, будто не решалась переступить её, но все же труп был у него на руках.

Он уже собирался достать кинжал, когда из-под плиты раздался голос:

— Вы производите впечатление человека образованного.

Некромант замер в своем отточенном движении того, кто собирался глубже забраться в недры этой тайны. Скрипучий мужской голос из-под камня звучал несколько раздраженно.

— Это оскорбление? — на всякий случай спросил некромант, собираясь определить причину раздражения нового знакомого.

— Пока наблюдение, — после значимой паузы, подвесившей все происходящее в тишине, ответили ему тем же скрипучим голосом.

Некромант внимательно вгляделся в трещину, из которой исходил голос.

— Ваше имя?

— Честно говоря, не помню. Я также не помню, как сюда попал, сколько времени здесь провёл и почему у меня от-

сутствует большая часть тела. Но последнее обстоятельство, надеюсь, временное, — неизвестный будто бы спешил ответить на все предполагаемые вопросы разом.

— Почему?

— Потому что постоянное было бы крайне неудобным, полагаю.

Некромант задумчиво коснулся подбородка костяшками пальцев. Эта встреча вызывала в нем исследовательский интерес.

— Что вы такое?

— Вы уже догадались, — с ноткой ехидства прозвучало в ответ.

— Я предпочитаю, когда опасные находки сами подтверждают классификацию, — пожал плечами некромант.

— Лич, — устало протянул голос под плитой.

— Связь с филактерией, обладание заклинаниями?

— Первого не ощущаю, а второе, разумеется, но… сейчас ни одного не смогу осилить. — Некромант, кажется, почувствовал разочарование от последнего признания. — Но я чрезвычайно умен!

— Это обычно говорят существа, которые оказываются на деле совершенно бесполезными.

— После стольких лет под каменной плитой без тела я все еще веду разумную беседу. Уже неплохо, верно?

Некромант подошёл ближе и опустился на корточки. Из трещины тянуло холодом, старой пылью и чем-то затхлым.

Темнота была достаточно непроглядной, чтобы заметить какой-то силуэт, пусть и с частями тела, а не полным.

— Юного мага убили вы?

— Нет, — ответил лич без промедления, как будто только и ждал этого вопроса.

Лицо некроманта осталось непроницаемым, доверять новому знакомому он не спешил.

— Вы знаете, что его убило?

— Нет. И, поверьте, беспомощность переносится легче, когда не знаешь всех подробностей.

— Вы лжёте?

Вновь повисла пауза, как будто лич собирался с мыслями.

— Сейчас нет.

— Удобный ответ, — усмехнулся некромант на это обтекаемое заявление.

— Я стараюсь сохранить хоть какое-то достоинство, — печально донеслось из трещины.

Некромант коснулся краешком медной монеты одной из поцарапанных рун, из-под плиты тут же донесся шепот, а затем трещина расширилась настолько, чтобы туда мог пролезть маг с не самой популярной веткой магии в руках.

Но пролезть внутрь он не успел, сзади кто-то шевельнулся. И гостей из-за спины некромант совсем не ожидал. Мужчина медленно обернулся, выхаживать оживший труп не входило в его планы. Пальцы юноши медленно сжались на пустом месте, будто он снова пытался удержать обломок

мела, который предварительно благополучно у него забрали.

Рука специалиста по мертвым сработала раньше мысли. Он быстро достал мел, который успел уже убрать в карман, и перечеркнул им грудь юноши, и, не дожидаясь, пока тело вновь обмякнет, приложил погребальную монету к его лбу.

Шепот растворился за секунду до того, как тело вновь стало просто телом.

В трещине царила тишина.

— Это был не я, — сказал лич, оправдываясь, но некромант и так знал, что это был не житель гробницы, а ее проклятье-защита.

Некромант проверил пульс, зрачки и меловой знак на груди Элвера. Лишь убедившись, что тело снова неподвижно, он повернулся к трещине.

Он провёл пальцем по камню. Печать была сломана изнутри и снаружи одновременно. Такого быть не должно было, и это вызывало некоторые опасения. Пользоваться расширенным проходом было уже совсем не безопасно.

— Если я подниму плиту и вы попытаетесь вселиться в меня, я брошу вас обратно, — сухо предупредил маг.

— Разумно, — согласился лич.

— Если попытаетесь подчинить тело Элвера, я вас сожгу вместе с телом.

— Понимаю.

— Если соврёте о чём-то важном, я найду способ сделать ваше положение менее удобным.

— Это уже звучит изобретательно.

Он достал складной рычаг и вогнал его в трещину.

Плита поддалась не сразу. Корни держали её крепче железных скоб. Пришлось расчистить край и использовать трость как второй упор. Наконец внутрь проник серый болотистый дневной свет.

Внизу лежала голова, точнее, череп. Белая кость была испещрена тонкими закрученными серебристыми прожилками. В пустых глазницах горели два тусклых огонька — один синеватый, другой янтарный.

Голова посмотрела на некроманта.

— Вы старше, чем звучите.

— А вы меньше, чем ожидалось.

— Бестактность — плохая основа для сотрудничества.

— Мы пока не сотрудничаем, — отрезал некромант.

Он провёл над находкой серебряной проволокой, и та не почернела. Затем посыпал край черепа солью.

Голова чихнула, и огоньки в глазницах на миг вспыхнули зелёным.

— Соль? Серьёзно? — Возмущению лича не было предела.

— Обычная проверка, — пожал плечами некромант.

Внутри гробницы не было целого тела. Только кости кистей, несколько рёбер, куски истлевшей ткани и чёрные осколки, похожие на стекло. Один из них при приближении начал вибрировать. Филактерия, судя по сколам, была раз-

бита намеренно. Он не стал её трогать.

До сумерек оставалось ещё несколько часов, следовало ускориться и подготовиться. Некромант посмотрел на трещину, на тело Элвера и достал из сумки жестяной чайник.

— Что вы делаете? — несколько испуганно спросил лич.

Некромант поставил чайник на плоский камень и принялся раскладывать сухие дощечки.

— Чай. — И можно было сказать, что, если бы черепа могли изображать удивление на своих костях, у лича именно это чувство и появилось бы.

Он развёл маленький огонь. Пока вода нагревалась, некромант провёл большим пальцем по краю, задумчиво повторяя привычный для себя ритуал. Когда вода закипела, маг бросил в неё листья и налил в кружку чай.

— Мне вы, полагаю, не предложите? — обиженно спросил лич.

— У вас нет желудка.

— Это не повод отказываться от приличий, — окончательно насупился череп.

— Теперь вопросы, — равнодушно отозвался некромант, делая первый горячий глоток.

Пока чай остывал, лич отвечал слишком много и слишком мало одновременно. Он не помнил собственного имени, но свободно ругался на языке империи, исчезнувшей задолго до основания Академии. Утверждал, что когда-то владел тремя башнями, хотя не мог решить, стояли ли они в одном городе

или в трёх разных веках.

Почти всему сказанному некромант не поверил.

На убийцу, скрывающего удавшийся замысел, лич не походил. Страх, изредка проклевывавшийся в их диалоге, казался настоящим. Но некромант ещё не знал, чего тот боялся, и не собирался считать растерянность доказательством невиновности.

Проверяя карманы юноши в поисках подсказки, он нашёл сложенный лист. Чернила расплылись у сгиба; на сухом краю сохранилось обращение к сестре и просьба не говорить отцу, куда он отправился. Некромант дальше читать не стал, оно было личным. Положил письмо на камень возле остывшего чайника.

— Это я ей отдам, — сказал он мёртвому, будто пытаясь его успокоить.

Когда чай закончился, некромант уложил мел, проволоку и соль по своим отделениям камзола, затянул ремень сумки и проверил узел.

— Что теперь? — спросил лич.

— Заберу тело и отправлю его в Академию.

— Я спрашивал не о нём.

— Знаю.

— Вы оставите меня здесь?

Некромант посмотрел на гробницу, на тёмную воду и на деревья, росшие подозрительно правильными кольцами.

— Это было бы разумно.

Некромант достал плотный мешок и вытряхнул запасные свечи. Снял с лица юноши плащ, заменил чистым полотном из сумки; плащ сложил и подложил в мешок. Лич тем временем напряженно молчал, ожидая продолжения.

— Но я все равно заберу вас с собой, потому что история вашей смерти вызывает у меня интерес. — Огоньки в черепе загорелись красноватым огоньком, видимо, проявляясь радостью. — А еще если оставить неизвестную древнюю голову лича в болоте, рано или поздно сюда опять заявится кто-то из Академии.

Некромант осторожно уложил голову в мешок.

— Я должен предупредить, что привык к достойному обращению.

— Привыкайте заново.

Некромант завязал мешок так, чтобы голова могла видеть окружающее пространство, закрепил его на ремне сумки и подошёл к телу Элвера.

— И как долго, по-вашему, продлится это временное размещение? — спросил лич.

Некромант подхватил тело под плечи, но, не успев поднять, снова осторожно опустил его. На камне возле потухшего костра белело забытое письмо. Он вернулся за ним, проверил сгиб и спрятал лист в сухую ткань, глубоко во внутренний карман. Потом поднял тело.

— Посидишь пока у меня. А там видно будет.

Болото снова замолчало. Где-то далеко под водой один раз

стукнул камень о камень. Звук был похож на поворот тяжёлого засова.

АКТ I

НЕКРОМАНТ НА ОТШИБЕ

ГЛАВА 1

Очень плохое утро

Альтрос Морн проснулся оттого, что на кухне кто-то нудно читал нотацию.

— И сколько раз повторять? Ложки после заварки не живут в банке с чаем. Особенно мокрые, это отвратительная небрежность.

Короткая пауза повисла между Альтросом и говорившим.

— Не молчите, когда с вами разговаривают. Это невежливо.

Альтрос полежал ещё немного, надеясь, что воспитательная беседа исчерпает себя без его участия, но надеялся он абсолютно зря.

Голос продолжил рассуждать о хранении ложек, устройстве приличного хозяйства и общем падении бытовой дисциплины. Собеседник ему не возражал, позволяя выговориться вдоволь.

Наконец Альтрос поднялся, осознав, что спокойного сна ему уже больше не видать, накинул льняную рубаху и вышел на кухню.

На полке, между банкой мяты и деревянной совой, стоял человеческий череп. В глазницах мерцали два огонька — один синеватый, другой янтарный. Череп сурово смотрел на

жестяной чайник, который тихо нагревался на плите и не проявлял ни раскаяния, ни интереса к разговору.

— Доброе утро, Малхарис.

— Не вижу оснований для такого вывода, — сухо отрезал череп.

— Ты опять разговариваешь с чайником, — без тени улыбки указал на очевидное мужчина.

— Я провожу воспитательную беседу. Разговаривал бы я, если бы он отвечал, — рационально заметил в ответ лич.

Альтрос снял крышку с банки, вынул ложку и положил её рядом с плитой.

— Вот. Больше она ни в чём не виновата.

— Ложка — лишь орудие, — назидательно возразил Малхарис. — Ответственность лежит на том, кто оставил её в банке.

— Это был я.

— Я знаю. Я просто надеялся, что чайник проявит хоть немного сознательности.

Альтрос налил себе воды и прислонился к столу.

— Ты долго не выходил, — добавил Малхарис.

— Спал. — Некромант не видел смысла оправдываться.

— Ещё немного — и я начал бы составлять речь для похорон.

— Составил?

— Только заголовок.

Два удара в дверь разорвали только начинавшуюся утрен-

нюю идиллию.

— Морн! — крикнул знакомый мужской голос. — Открывай! У нас покойники перепутались!

Альтрос прикрыл глаза и выдохнул. Утро спасти не удалось.

Он накинул старый чёрный плащ, нашёл в карманах мел, веточку полыни и три медные монеты. Ножа снова не оказалось. Альтрос обнаружил его на подоконнике, где оставлял уже третий вечер подряд, сунул в левый карман и тут же проверил карман ещё раз.

Снаружи постучали уже тише.

— Альтрос, открой. Я не один.

Альтрос снял чайник с плиты, залил листья в кружке и только после отодвинул засов. На пороге стоял широкоплечий мужчина лет сорока с тёмной бородой, намокшей и изрядно обвисшей от влаги плотного утреннего тумана. Кузнечная куртка была застёгнута наспех, а сапоги покрывала кладбищенская глина.

За его спиной мял шапку сухощавый старик в сером кафтане.

— Ночью кто-то раскопал шесть могил, — сказал бородач. — Ничего не забрали. Покойников переложили в чужие гробы.

— Всех шестерых?

— Всех. Два гроба вообще не открывали. Они оказались в других могилах целыми. Следов ног нет, волочения тоже. Я

проверил землю и края гробов: на дереве нет свежих зарубок от верёвок.

Альтрос посмотрел на него внимательнее, Бран был кузнецом, но дерево понимал не хуже металла.

Старик за его плечом сильнее сжал шапку и тихо сказал:

— И ещё старая Варна открыла глаза.

Снова повисла пауза, тягуче перекатывалась в мыслях присутствующих.

— Дышала? — спросил Альтрос старика.

Тот лишь отрицательно покачал головой.

— Говорила?

Старик несколько секунд смотрел на Альтроса, потом бросил быстрый взгляд на Брана, словно надеялся, что кузнец ответит вместо него.

— Сказала только одну фразу.

— Какую?

— «Он скоро проснётся».

Альтрос выпил остывающий чай одним глотком.

— Бран, возьми сумку. Тавер, покажешь могилы.

— А я? — спросил Малхарис.

Альтрос снял череп с полки и устроил в плетёной корзине, выстланной старым шарфом.

— Поедешь. Ты лучше всех разбираешься в воспоминаниях, которым нельзя доверять.

— Наконец-то официальное признание моих талантов, — гордо заметил лич.

Бран поднял сумку и проверил застёжку, вместе они вышли из дома.

Деревня называлась Ровенки, хотя вокруг не было ничего ровного. Дома стояли на разных уровнях, улицы изгибались между холмами, а бочки у трактира приходилось привязывать. Даже кладбище располагалось на склоне, словно ровную землю здесь считали неприятным излишеством.

Туман все еще лежал достаточно низко. Влажные крыши блестели, дым из труб стелился между домами, а у колодца уже спорили три женщины, каждая из которых знала о случившемся больше предыдущей, и с каждым витком их разговора происшествие обрастало новыми небылицами.

Когда Альтрос проходил мимо трактира, Бран протянул ему завёрнутый в ткань тёплый мясной пирог.

— Марта передала. Сказала, чтобы ты поел по дороге и вернул ткань.

— Я всегда возвращаю.

— В прошлый раз она три дня оттирала с неё пепел.

— Вернул же. Остальное — уже несущественные детали.

Бран странно посмотрел на него, но спорить не стал. Малхарис повернул голову в корзине.

У окраины деревни к ним присоединились двое могильщиков. Один был высокий, с длинными руками и лицом человека, которого редко беспокоили чужие волнения. Второй — короткий, крепкий и всё время поглядывал на склон так, будто ждал, что тот начнёт сползать у него на глазах.

— Я говорил, что земля там плохая, — сообщил короткий вместо приветствия.

— Ты это каждую весну говоришь, — отозвался высокий.

Альтрос шёл чуть впереди, проверяя дорогу тростью. Малхарис покачивался в корзине у Брана под локтем и время от времени требовал повернуть его в сторону собеседников.

До кладбища было чуть меньше версты, но путь занял больше времени, чем обычно. Дорогу дважды перегораживали соседи с вопросами, а у последнего дома к ним выбежал мальчишка и важно сообщил, что один из покойников ночью стучал снизу по крышке.

— Сам слышал? — спросил Альтрос.

Мальчишка замялся, потерявшись в сплетнях.

— Нет. Но слышал тот, кто слышал.

— А тот, кто слышал, где?

— Ушёл рассказывать дальше, — не видя подвоха, честно сообщил малец.

— Надёжный источник, — невозмутимо заметил Малхарис.

Бран придержал калитку, пропуская Тавера, когда они наконец подошли к подножию холма. На кладбище пахло мокрой землей, сырой древесиной и травами, которыми местные пытались перебить запах открытых могил. Шесть ям своими угрожающими провалами чернели на склоне. Вокруг толпились родственники, могильщики и несколько вездесущих детей, которых никто не собирался сюда приводить, но ко-

торые всё равно пришли.

— Всех за ворота, — равнодушно сказал Альтрос.

Тавер не стал спорить. Он назвал по именам двух самых упрямых родственников, напомнил остальным, что открытые могилы могут осесть, и за несколько минут вывел людей за ограду. Дети отошли последними, кого-то пришлось оттаскивать насильно.

— И подальше, — добавил Альтрос.

Они отошли ещё на три шага.

— Ещё.

Дети обиженно скрылись за каменной стеной. На кладбище остались Альтрос, Бран, Тавер и два могильщика. Малхарис стоял в корзине на перевёрнутой каменной вазе.

Альтрос начал с ближайшей могилы. В открытом гробу лежал старый мельник Гарт, умерший прошлой зимой. Одежда оставалась чистой, как будто его только похоронили, а под головой была подушка из чужой могилы.

— Сам гроб не поднимали. — Бран провёл пальцем по краю гроба. — Если бы его тянули верёвками, углы были бы содраны.

Высокий могильщик присел у стенки ямы.

— И земля не осела. После такого веса край должен был бы поползти.

Альтрос провёл ладонью над почвой. Привычная формула отозвалась в двух местах сразу: здесь и где-то дальше по склону.

— Что? — заинтересованно спросил Бран.

— Похоже, перемещали не гробы и не тела. На несколько мгновений две могилы могли поменяться местами.

— Могилы? — непонимающе переспросил Тавер.

— Пространство вокруг них. Но это пока только версия.

Альтрос ещё раз провёл ладонью над землей. Отдалённый отклик уже почти исчез. Во второй могиле лежала плотничиха Ильва. Её похоронили три года назад, но тело сохранилось лучше, чем должно было, выглядела она чуть ли не лучше, чем мельник.

— Земля здесь медленная, — сказал короткий могильщик.

— Земля здесь ни при чём. Иногда задерживается сама смерть, — отметил Альтрос.

Могильщик отодвинулся от края, стараясь не задеть гроб сапогом. На внутренней стороне крышки виднелась тонкая царапина: дуга и две короткие линии. Альтрос нашёл рядом белёсую пыль и растёр её между пальцами. Она пахла холодным камнем, хотя камня в гробу не было.

— Это что? — спросил Бран.

— Не известь. Не мел. И не пепел.

Бран подставил ладонь, Альтрос стряхнул на неё несколько крупинок и вновь поднёс свои пальцы к свету. У Брана ответа тоже не нашлось.

— Частицы слишком ровные. Будто стёрли край каменной плиты.

— Камня в гробу нет, — напомнил Тавер.

— Поэтому я и пытаюсь понять, что это.

В остальных могилах при дальнейшем осмотре обнаружились похожие фрагменты. Ни один не повторял другой полностью. На каждом штрихе белёсый налёт был смещён к одному и тому же краю.

Альтрос велел Брану принести колышки и верёвку. Ими же и обозначили на расчищенном склоне расположение шести могил. Возле каждой отметки некромант перенёс на землю найденные на крышке штрихи, сохраняя их направление.

С первого раза вышла бессмысленная путаница, почти никакой прослеживаемой логики. Продолженные линии расходились: одна упиралась в старую яблоню, другая пересекала ограду, дуги не сходились концами.

Альтрос дважды обошёл схему, проверил расстояния шагами. Колышки стояли верно. Он вернулся к гробам и снова осмотрел царапины. На трёх крышках налёт шёл с другой стороны царапины. Некромант присел у ближайшей и проверил петли: крышку положили изголовьем к ногам, у двух других было так же.

— Крышки перевернули, — тихо сказал он. — А я срисовал, как лежат.

Он стёр три фрагмента и начертил их заново, повернув каждый на пол-оборота. Бран натянул верёвки вдоль выпрямившихся сторон; концы дуг теперь наконец-то сошлись. На склоне возник вытянутый шестиугольник, перечёркну-

тый двумя дугами. Нижняя линия уходила к старой дороге. Царапины внутри гробов оказались отдельными частями той же фигуры, словно каждый покойник унёс с собой один штрих большого знака.

— Какой-то ритуал? — спросил Тавер.

— Скорее указатель или пробная попытка. Он не открыл проход полностью, только заставил законы кладбища на миг забыть, как оно все должно работать. Знак от колдовства уже выгорел, но кто-то проверял, можно ли опереться на старую дорогу и открыть куда-то проход.

Малхарис смотрел на схему напряженно молча.

— Знакомо? — спросил Альтрос.

— Нет. Но мне не нравится, что я помню что-то почти похожее. — Огоньки в его глазах побледнели.

Альтрос же в свою очередь направился к той, кого все так боялись, старая Варна лежала в чужом гробу, который был ей очевидно велик.

— При жизни она слышала через стены лучше, чем через дверь, — тихо сказал Тавер. — Соседи боялись ругаться дома.

Голова Варны была повёрнута к стенке, будто она всё ещё пыталась услышать что-то через землю, подтверждая слова старика.

— Она давно открыла глаза? — спросил Альтрос.

— Когда мы подняли крышку, пытаясь посмотреть, кто перепутался. Ни дыхания, ни пульса. Потом закрыла сама,

успела вот только фразу сказать.

Альтрос опустился возле гроба, провёл вокруг него незамкнутую меловую линию и положил на грудь Варны одну из трёх медных монет.

— Что ты делаешь? — спросил Бран.

— Прошу ее тело повторить последний след, оставленный душой.

— А если повторит что-то ещё?

— Тогда закрою. — Но как будто бы это никого не успокоило.

Альтрос произнёс старую формулу, следя за краями незамкнутого круга. Монета быстро потемнела, а Варна резко открыла глаза.

Тавер отступил на всякий случай, но остался у края ямы. Один могильщик выругался шёпотом, второй сделал вид, что не слышал.

— Варна, — тихо сказал Альтрос. — Что ты видишь?

— Дорогу.

— Кто по ней идёт?

Где-то под землёй коротко скрипнуло дерево.

— Тот, кто помнит каменный порог. — Голос ее был глухим, как будто она говорила из-под земли.

— Закрой, — быстро шепнул лич.

После предупреждения медленно растянулась в улыбке только левая половина лица Варны. Монета на её груди треснула, что было первым случаем на памяти Альтроса за семь-

десят лет. Альтрос мгновенно разорвал меловую линию тростью. Глаза Варны закрылись, тело медленно обмякло.

Несколько секунд никто не говорил, тишина была вполне осязаемой.

— Что это было? — первым нарушил молчание Бран.

— Похоже, не остаточная память. Через её тело к обряду прикоснулось что-то чужое.

— Это «что-то» ещё здесь?

Альтрос посмотрел на старую дорогу за оградой.

— Не уверен.

Бран посмотрел туда же и отступил от края могилы. Тавер же подошёл ближе.

— Что делаем?

— Возвращаем всех на места. Закрываем могилы. У ворот ставим соль и железо. Белёсый след не трогать — он может вывести к тому, на чём держался ритуал, и лучше найти его первыми.

Работа заняла несколько часов. Тавер лично сверял имена на крышках, пока могильщики возвращали гробы на места. Бран проверял крепления и следил, чтобы никто не перепутал подушки. Альтрос обходил могилы одну за другой, снимал остатки чужого знака и ставил временные метки там, где земля отзывалась слишком холодно.

Малхарис важно руководил из корзины.

— Правее.

— Там уже право, — сказал Бран.

— Тогда более правее.

— Так не говорят, — поправил лича кузнец.

— Я старше вашей грамматики.

— Это не делает её менее правильной.

— Делает меня менее обязанным ей подчиняться.

К полудню родственники обсуждали уже не проклятие, а то, кому досталась чужая подушка и почему именно их родственник должен лежать на шелковой. Альтрос счёл это хорошим знаком.

Пирог Марты успел остыть, Альтрос съел середину, а корку завернул обратно в ткань. Бран осуждающе посмотрел на свёрток.

— Корка мешает думать, — равнодушно отозвался некромант на невысказанный вопрос.

После еды и короткого перерыва они вернулись к белёсому следу. Бран сам проверил крепления двух целых гробов. Налёт на нижних досках совпадал с пылью на царапинах и пах тем же холодным камнем. След тянулся к старой дороге и заканчивался под вросшим в землю межевым камнем.

— Тут копали, — сказал Бран и тут же продолжил уточнение. — Верхний слой старый, под ним корни срезаны свежо. Кто-то потом аккуратно вернул землю целым слоем.

Они расчистили край камня. Под ним обнаружилась узкая полоска белой ткани, зажатая между корнями. Часть материи рассыпалась от прикосновения, оставив на пальцах тот же, уже знакомый присутствующим, порошок. На уцелев-

шем краю темнела одна буква неизвестного алфавита.

Альтрос убрал ценную находку в стеклянный футляр.

— Похоже на часть одежды, — сказал Бран. — Или обрядовой ленты.

— Если это одежда — здесь стоял человек. Если лента — здесь мог находиться узел заклинания, — кивнул Альтрос.

Он велел заново утрамбовать землю вокруг межевого камня и оставить у него железный колышек. На воротах кладбища повесили пухлые мешочки с солью. Один могильщик добавил ещё ржавую подкову, потому что не очень доверял соли без поддержки. Тавер записал все распоряжения некроманта дважды, в маленький блокнот и на руке сокращениями.

— Этой ночью они останутся на местах? — боязливо спросил он.

— Должны.

Тавер тяжело вздохнул — ответ его явно не устроил — и убрал записи в карман.

Когда они пошли обратно, туман уже благополучно рассеялся. Дорога казалась обычной, уже не такой полной мистики, но Альтрос несколько раз опасливо оборачивался на межевой камень.

— Ты думаешь, он вернётся? — спросил внимательный Бран.

— Не знаю, кто именно «он», стоит ли его бояться и какие у него цели.

— Варна сказала, что кто-то скоро проснётся.

— Мёртвые редко формулируют удобно, в их загадках еще надо умудриться найти истину.

— А череп? Он же мертв?

Малхарис посмотрел на него снизу вверх, но весьма презрительно.

— Череп предпочитает ясность.

— И что ты понял?

— Что мне знаком каменный порог. Что я не помню откуда. И что это хуже, чем если бы не было знакомо вовсе, я чувствую тревогу рядом.

До дома Альтроса Бран дошёл вместе с ним. Сумку поставил у двери, корзину — на стол. После его ухода Альтрос разложил на столе находки: футляр с тканью, половинки треснувшей монеты, щепоть белёсой пыли и схему кладбища, перерисованную на грубой бумаге.

Малхарис стоял на полке напротив.

— Узнаёшь букву? — спросил Альтрос.

— Нет.

— А что с каменным порогом?

Лич задумчиво помолчал, будто не спешил сразу вываливать все свои тайны на свет.

— Не сам порог, неотвратимое ощущение перед ним.

— Какое? — заинтересованно уточнил некромант.

— Будто я уже ждал перед таким проходом и очень не хотел, чтобы он открылся. — Снова потускнели огоньки в

глазах черепа.

Альтрос достал половинки треснувшей монеты. Для ритуала она больше не годилась, что его даже немного расстроило, эти монеты служили ему очень много лет. Он завернул обе части в ткань и убрал в отдельный карман рядом с двумя целыми.

К вечеру дом на холме погрузился в тишину. Малхарис не смотрел на чайник и не отчитывал его за новые грехи. Череп смотрел на засов. Если бы Альтрос спросил его, боится ли он, он бы ответил «нет» слишком уж поспешно.

На кухне вода закипела второй раз. Никто не пошёл снимать чайник с огня, тишину не спешили нарушать, каждый был погружён в свои пугающие мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.